Последний Сеанс

Автор:
Александр Шашкин

Последний Сеанс

Александр Шашкин

Неизвестность всегда пугает, но в то же время притягивает к себе словно магнитом. Иногда очень сложно устоять перед любопытством. Стремление узнать, что скрывается за закрытой дверью, превосходит чувство страха и самосохранения. К сожалению, почти всегда это приводит к трагическому концу.

Тимофей Кузьменко с его возлюбленной Лорой очень похожи в их отношении к жизни и к себе лично. Помешанные на просмотре кровавых ужастиков и чтении остросюжетных романов, они и дня не проводят без того, чтобы не пощекотать нервы перед экраном телевизора. Ведь так легко наблюдать за пугающими и трагическими событиями со стороны, находясь в тёплом и безопасном месте.

Но однажды они перейдут черту и попадут в ловушку. Вымысел, фантазии и воображение сольются с реальностью. Ошибка по неосторожности или закономерный поворот судьбы?

Смогут ли герои разобраться в происходящем и спастись, вы узнаете, прочтя «Последний Сеанс» Александра Шашкина.

Александр Шашкин

Последний Сеанс

Часть 1

Глава 1

Алкоголь в сочетании с желанием во что бы то ни стало развеять неприятный осадок от неудачного просмотра кинофильма сделал своё дело. Тима снова почувствовал безудержное желание получить такую необходимую дозу адреналина, которая бы мгновенно исправила ситуацию. Которая бы улучшила настроение и дала заряд энергии на оставшуюся часть суток. Фильм действительно был неудачным и скучным. И им было слегка жаль потраченного времени, а больше всего того, что не оправдались ожидания, ведь всю неделю они с Лорой ждали момента, чтобы оттянуться по полной программе. Фильм оказался полным разочарованием. Он вообще не понимал, как могут такие картины собирать полные залы. Наверное, здесь нужно отдать должное хорошо продуманной рекламе выхода ленты, яркому трейлеру и ненавязчивому названию, которое почему-то впилось им в голову ещё с начала лета. От этого огорчение ещё сильнее, когда ждёшь чего-то долго в предвкушении, а потом – раз! – и всё. Просто пусто, даже хуже. Вместо того, чтобы быть под впечатлением от увиденного и делиться друг с другом радостью полученных эмоций, смешанных от страха, переживания, волнения, напряжения – жалеешь о потраченном впустую вечере. С первых минут фильма Тима понял, что будет скучно, поэтому к середине уже допил свой виски с колой и потянулся к пол-литровой бутылке Лоры. Поход в кинотеатр был для них особым ритуалом. Места выбирались самые лучшие и дорогие, те, что расположены в конце зала. Это были мягкие и широкие кресла, которые при желании превращались в кровать нажатием кнопки на подлокотнике. Во время сеанса ребята предпочитали пить виски с кока-колой. Они просто доливали крепкий алкоголь в заполненные до середины сладким газированным напитком пол-литровые пластиковые бутылки.

– Тима, завязывай, иди за пивом, всё равно фильм отстой.

– Мешать, ты шутишь?

– Ой, типа первый раз. Ха, не смешно, Тима. Я и так тебе больше виски налила, а себе колы. Всё, отвали. Сходи, сходи и в туалет заодно и возьми мне морожку,

Ти!

– Ладно, только никуда не уходи.

Тима слегка прикусил мочку её уха и чмокнул сильно, так, что Лора сначала съёжилась, а потом сползла по сидению на спину:

– Тима, ну блин!

– Я скоро!

На самом деле Тима уже давно хотел треснуть пивка. Да, он любил пиво больше других напитков. И его абсолютно не смущал тот факт, что пить его после приличного виски считалось извращением. Да и о том, что это приличный виски, он бы никогда не узнал, если бы ему не сказали. Для него почти все его виды и марки были на один вкус. Он никогда не парился по этому поводу и вообще считал, что это его личное дело: как пить, есть и жить. Тима давно перестал обращать внимание на чьё-то мнение, ведь оно тоже не объективно. «Кто знает, как нужно? Кто прожил несколько жизней и может сравнить, какая была лучше? Правильно – никто. Вот и учить других не надо».

Тима направился к выходу, слегка пригнувшись, показывая тем самым, что дико извиняется за то, что отвлекает от просмотра «столь увлекательной картины».

Вырвавшись на свободу, он глотнул воздух ртом, наполнив лёгкие до предела, от чего чуть не свалился, проходя мимо бара. Румянец на щеках, вызванный сорокаградусным напитком, стал ещё ярче от смущения из-за неловкой ситуации. Яркий свет в холле кинотеатра ослепил его, и он не сразу разглядел человека, вокруг которого кружила толпа и что-то весело и активно обсуждала.

Прошмыгнув мимо них к туалету под звуки какого-то мультфильма, раздававшиеся из десятка динамиков под потолком, Тима сделал то, что «должен» был:

– Боже, как же это здорово!

Человек в центре внимания оказался известным на весь мир силачом. Что он делал в кинотеатре – неизвестно, это не было запланированным визитом, Тима не увидел камер и журналистов. Он просто раздавал автографы и общался с довольными фанатами. И Тима не упустил возможности сделать селфи со звездой:

– Я извиняюсь, можно?

– Ну, конечно. Давай, – сказал Василий.

Тима был в восторге, обнял его по-дружески и без стеснений, чтобы сфотографироваться. «Он нереально большой, огромный! Человек-гора», – подумал Тима. Со своей комплекцией он казался на фоне накачанного спортсмена тяжелоатлета просто тощим, как нитка. И это при том, что тренировался каждый день и был неплохо сложен.

– Бутылочку пива, пожалуйста, вот эти чипсы. И какое мороженое у вас есть?

– Пиво какое? – ответила блондинка в баре таким тоном и с таким выражением лица, типа: «Как вы меня все достали сегодня, я, что, экстрасенс?»

– Девушка, милая, вы, главное, не нервничайте.

Там действительно было столько видов пива, что нужно было не только уточнить – какое именно, но и показать на него пальцем:

– Вот это.

Тима ткнул пальцем в «Стеллу», подмигнул продавщице и улыбнулся во все свои оставшиеся к тридцати пяти годам двадцать семь зубов. Ему нравилось издеваться над недовольными жизнью продавцами. Это всегда было весело и поднимало настроение. Никогда не стоит хамить в ответ и уподобляться невоспитанным людям. Кто знает, что у них на душе. Тима выбрал мороженое для Лоры и, уходя, отправил блондинке воздушный поцелуй. Она ответила тем же и опустила глаза вниз, засмущавшись.

Довольный своим коротким диалогом в буфете и селфи с крутым парнем, Тима вернулся к Лоре. Даже в темноте кинотеатра он смог прочитать на её лице возмущение и недовольство:

– Тима, ты нормальный, где ты лазил полчаса? Оставил меня одну.

– Ло, не гунди!

– Что не гунди? Мы вместе пришли или нет? Фильм дурацкий, и ты ушел на полчаса! Где можно было столько ходить?

– Блин, ну пока то, пока сё, пока пива купил…

– Достал ты меня со своим пивом. Когда ты уже им напьёшься?

– Ну что тебе моё пиво? Хочешь глотнуть?

– Давай!

Глава 2

Яна открыла глаза. Сначала она просто решила, что лежит в своей кровати на третьем этаже семейного общежития, и даже смогла разглядеть знакомый узор ковра на стене. Голова раскалывалась. Кроме того, нос почти не дышал. Скорее всего он был сломан и отёк, практически полностью перекрыл дыхательные ходы. Сгустки крови слиплись плотно с перегородкой, но она не могла не чувствовать этот отвратительный запах вокруг. Запах рвоты и чего-то, напоминающего протухшую курицу. Её чуть не вывернуло наизнанку, когда она сделала более глубокий вдох. Благодаря тому, что койка была слегка наклонена на одну сторону, всё, чем Яна питалась за последние сутки, стремительно выплеснулось из неё на пол и спасло её от глупой смерти. Хотя, наверное, лучше бы она захлебнулась.

– Где я? Мам, мама!

Как и все в такой ситуации, Яна вспомнила маму, хотя уже давно жила одна и даже созванивалась очень редко. Отношения с родителями были всегда натянутыми ещё со времён школьной скамьи. А после смерти отца совсем ухудшились и были больше похожи на отношения кошки с собакой, нежели матери и дочки. Мать была убита горем и крепко присела на стакан. В смерти отца она обвиняла Яну, а та, в свою очередь, мать, хотя всем была очевидна истинная причина кончины. Отец сильно выпивал и часто уходил в запои – когда на неделю, а когда и на пару-тройку месяцев. С Мариной Степановной они любили друг друга, но постоянные пьянки со временем сделали своё дело, и жизнь стала невыносима для всех жителей однокомнатной квартирки в двухэтажном бараке, построенном сотню лет назад в маленьком посёлке городского типа. Отец никогда не поднимал руку на дочь, а, наоборот, души в ней не чаял. Даже голос порой не мог на неё повысить, не то чтобы наказать. Отсутствие авторитета в семье отрицательно повлияло на девушку, и в конце концов одним утром Яна тихо и никого не предупреждая, сорвалась в город к своей родной тётке. Та её, естественно, приняла и даже поселила в своей маленькой комнатушке в общежитии семейного типа, которая досталась от покойного свёкра. Осенью Яна поступила в техникум и поначалу даже неплохо училась, чем обрадовала свою мать и тётку, но спустя год скатилась до неудов и уже практически была отчислена. К восемнадцати годам молодая и приличная в прошлом девочка курила, пила, употребляла лёгкие наркотики и вела беспорядочную половую жизнь. Весь этот набор плохих привычек добавлял Яне лет пять на вид.

В кромешной темноте она не видела ничего вообще и могла ориентироваться, опираясь исключительно на обоняние и осязание. Но, к её большому сожалению, ни вдохнуть, ни пошевелиться она не могла. «Что-то не так. Это не похмелье. Где я? Ай. Чёрт, мой нос. Чёрт…» – похоже, губы тоже были разбиты так же, как и затылок. Постепенно Яна стала приходить в себя и пробуждаться. «У меня разбита голова, нос. Мой нос, боже, он сломан. Ай!» Яна попыталась его пощупать, но… «Чёрт возьми, что со мной? Я не могу пошевелить руками. Где я, что происходит?»

Раздался всхлип. Пересохшее горло не могло выдавить ничего, кроме хрипа.

Где-то далеко в коридоре зажегся свет, тонкая его полоска просочилась сквозь неплотно прилегающую к раме дверь со стороны петель, и ещё одна снизу. Прижимаясь к полу, свет показал несколько сантиметров грязного, скользкого и холодного кафеля и также осветил край обшарпанной стены.

«Что происходит?» – в ужасе Яна начала осознавать, что она не дома, – ДТП? Что за подвал? Больница? Морг? Да что вообще происходит?»

Яна пыталась заставить мозг работать активнее, но ничего не удавалось. Её голова прилипла к топчану, грязные в крови русые волосы на затылке скатались в клубок и выглядели как пакля. Рассечение было незначительным, но кровищи набежало море. Вонь кругом, тошнота и боль мешали ей сосредоточиться. Всё тело было ватным, ноги онемели и практически были неощутимы. Запястья рук, голова, грудная клетка, бёдра и ступни были плотно стянуты кожаными ремнями. Из одежды остался только один, разорванный в нескольких местах чулок, и старый, протёртый на пятке кед Converse на той же ноге.

«Как я сюда попала? Что произошло? Чёрт, а где этот кре…? Где этот кретин? – Яна путалась и не могла вспомнить имя своего очередного ухажёра, – ещё и имя у него было какое-то дурацкое, хрен запомнишь: Светлодар, Святогор, Славадар, Святодар…»

Глава 3

После института, получив свой диплом, который он называл: «бумажка, которую нельзя использовать даже не по назначению», Радослав около года просидел на маминой шее, изредка притворяясь ответственным человеком и послушным сыном. В конце концов мать поставила ему ультиматум – найти работу, и дала срок в один месяц. Некоторое время он проработал у двоюродного брата на СТО, где зарабатывал довольно неплохие деньги автослесарем. Радослава практически сразу допустили к ремонту иномарок, ведь все знали о его любви к автомобилям. Его отец, Сергеич, был известен на всю округу своим знаменитым гаражом, где он занимался ремонтом любых авто, параллельно обучая племянника Серёгу и своего единственного сына. Сергеич ушел на тот свет рано, когда Радослав только начал учиться в институте. Но его дело осталось живо. Серёга сохранил даже название мастерской на добрую память о своём любимом дяде. К Радославу относились хорошо, но никаких поблажек не давали. Работа приносила стабильный доход, но была слишком ответственной для молодого человека, притом ему не нравилось носить робу и часами отмываться после работы. Тогда он сменил шило на мыло, устроившись подсобником на стройку. В бригаде было четыре человека, где он снова оказался младшим.

Грязь, пыль и снова грязная рабочая одежда заставили беднягу снова отправиться на поиски своего места в жизни. Если честно, то Радослав не искал никакого места в жизни, ему просто хотелось особо не напрягаться, но при этом получать свою копеечку.

Однажды выпускник автодорожного института и перспективный инженер-электромеханик, придя с очередной вечеринки домой, уронил свой взгляд на тумбу, где лежала пачка бесплатных газет, квитанций за коммунальные услуги и листовок, тех, что обычно кидают в почтовый ящик. Радославу бросилась в глаза яркая бумажка с надписью: «Работа в такси». Он тут же набрал номер и уже на следующий день устроился в службу городского такси на своём личном автомобиле, который получил в наследство от отца. Классическое авто для такой работы – «Деу-Ланос», ещё и металлик.

– Уже работали в службе?

– Да! – соврал Родя. – Ну, типа, подрабатывал раньше, давно очень.

– Хм, давно, очень, – ухмыльнулись администратор и сам директор организации «Рога и копыта».

Саныч, так звали директора, всегда лично принимал новых водителей на работу, а также проверял техническое состояние автомобилей, проводил собрания, инструктажи и прочее. Он считал, что его служба лучшая в городе, и поэтому с большой серьёзностью относился к подбору персонала:

– Как будто тебе уже «сорокет», ну даёт. Сколько тебе, сынок, двадцать, двадцать два?

– Да не, двадцать пять мне.

Похоже, что и в этом коллективе Родион, так его называли на стройке старшие товарищи, которые никак не могли правильно выговорить его настоящее имя, окажется самым младшим.

– А что, это имеет значение? Какая разница, сколько мне лет? Ясно же, что не шестнадцать. Права есть, машина тоже, – Радослав начал заводиться.

– Э, тише, тише, не кипятись. Мы тут не дрова возим, понял? У нас серьёзная организация.

Служба такси «Меркурий» была действительно неплохая и пользовалась спросом в городе. Юридически «Меркурий» был оформлен как организация, предоставляющая информационные услуги. Другими словами, не несла никакой ответственности за водителей и их автомобили, не являлась службой такси с таксопарком и двумя сотнями водителей. Но своими клиентами руководство «Меркурия» дорожило и делало всё для того, чтобы удержать их, проводя бесконечные акции за счёт водителей и предоставляя скидки:

– Значит, слушай внимательно, – начал свою длинную речь Сан Саныч, – мы работаем в городе уже более восемнадцати лет. На данный момент по рейтингу среди служб мы лидируем в трёх категориях: стабильность и качество, чистота и порядок, и пунктуальность! Есть несколько правил, которые тебе необходимо выполнять. Их довольно много. И сейчас ты всё не усвоишь и не запомнишь, но основные должен знать. Первое – это форма одежды: брюки и рубашка. Второе – это чистота и исправность авто. Третье – это культура общения и вождения. Если будешь мурчать и хамить, вылетишь сразу и поблажек не будет. Проявишь себя с хорошей стороны, сможешь зарабатывать неплохие деньги. Заказов у нас хватает. Парень ты вроде неплохой, дерзай. Да, ещё: фишку, визитки и чеки возьмёшь сейчас у Инны Ивановны, также тебе установят программу, и можешь приступать. Планируешь работать один?

– В смысле? А как ещё?

– Советую тебе посадить за руль ещё одного человека, чтобы в то время, когда ты спишь, твоя машинка приносила тебе пассивный доход.

– Ну, даже не знаю, – от такого предложения Родя опешил и уже начал в уме тратить ещё не заработанные деньжищи. «Вот попёрло, – думал он. – Я и не думал, что всё так легко и просто».

– В общем, Ростислав…

– Радослав я.

– Давай, Радослав, думай, я тебе все, если захочешь, подробно расскажу. Ребята тебе на смену у нас хорошие есть, проверенные, я за них ручаюсь. Условия объясню, сделаем страховочку, подпишем договор и всё, «руби капусту».

Сан Саныч уже тоже в уме тратил ещё не заработанные Радославом деньги и представлял, как вечером возле дома у киоска откроет холодную бутылочку «разливного» и осушит её в два глотка.

Глава 4

Сейчас Яне было уже двадцать четыре. Почти все сверстницы – подруги за последние три года выскочили замуж. Не все удачно, но тем не менее. Яне тоже хотелось большой и чистой любви. Она взрослела и становилась серьёзнее с каждым днём. Мечта о замужестве не выходила у неё из головы. Всегда мечтала о высоком крепком мужчине, старше её на восемь-десять лет, успешном, с сединой и брутальной щетиной. Обязательно в часах марки «Patek Philippe».

Однажды Яна видела рекламу этих часов и запомнила на всю жизнь. Да и принц из её грёз очень походил на мужчину, рекламировавшего их. Часто перед сном она подолгу мечтала, что когда-нибудь встретит его в центральном парке ранней весной, где он гуляет со своим ребёнком, сыном от неудачного брака. Где он будет в однобортном тёмно-зелёном «коверте» и дорогом костюме с голубой рубашкой и галстуком. Как они встретятся взглядами и улыбнутся друг другу. Она представляла себе его походку, его угловатые, слегка неуклюжие движения при ходьбе, манеру держаться прямо. Его сексуальный голос, пухловатую нижнюю губу и прямой, с небольшой горбинкой нос, волевой подбородок и аккуратный пробор на голове. Рисуя в своём воображении их знакомство, она видела и уже хорошо знала все изгибы и линии его упругого и мускулистого тела. Казалось, она сможет узнать его из тысячи, в темноте, с закрытыми глазами, и всё, что ей нужно – это только прийти за своим счастьем в парк…

Но в парке она не бывала. На рынок, где она работала реализатором китайской посуды последние два с половиной года, добиралась троллейбусом. Круг её общения часто в народе называют «базар-вокзал». В общем, судьба постоянно сводила её либо с малолетками и алкоголиками, либо с неудачниками. Что ж,

приходилось довольствоваться тем, что есть. «Ведь жизнь одна. Так можно в ожидании принца и в старых девах остаться», – часто повторяли её подруги. Вот Яна и не теряла времени на поиски и завязывала «серьёзные» отношения с каждым встречным, кто обращал на неё внимание. Обидно то, что она, несмотря на быстрое взросление и развязную жизнь, была очень привлекательна и имела все шансы на хорошую жизнь. Но при этом ей банально не везло с мужчинами.

Воскресенья были самыми загруженными на рынке. Во-первых, прилив людей на выходных, во-вторых, начальница устраивала переучёты. В этот раз Яне выписали небольшую премию по итогам недели. Поэтому домой она решила поехать на такси.

– Блин, ну где этот дурак ездит? Сообщили семь минут назад, а машины нет. Наверное, какой-то старый пердун дорогу найти не может.

Ожидая машину, Яна успела выдуть бутылочку ром-колы. Пила быстро и так же быстро опьянела. Поэтому, когда, наконец, водитель нашел нужный адрес, она уже подобрела и не была настроена на ругань.

Серая «Дэу», цвет металлик, 7383 подъехала, и из-за руля вышел симпатичный парень.

– Добрый день, девушка, я прошу прощения. В пробочке застрял. Вроде рядом был, а ехал так долго. Ради бога извините, – отрапортовал водитель.

Увидев клиента с полными сумками и кучей пакетов, он, как его инструктировали старшие коллеги, выскочил навстречу и помог уложить всё в багажник и даже дверь открыл.

Яна не ожидала такого сервиса и была этому приятно удивлена, так же, как и внешнему виду таксиста. Он был одет в дорогие, по её мнению, чёрные замшевые мокасины с металлической бляшкой в виде герба и темно-синие классические брюки с выглаженными стрелками. Стройный торс юноши обтягивала приталенная, голубого цвета хлопковая рубашка. Расстёгнутая до груди сорочка с подкатанными на один оборот рукавами сидела на нём идеально, чего Яна не смогла не заметить. Не проронив ни слова, она села в авто на заднее сиденье и снова была удивлена и впечатлена. Нет, это была не автомобильная пахучка, не вонь выхлопных газов и пропана, не дух немытого

мужика-работяги, в салоне невероятно приятно пахло парфюмом для мужчин.

– Девушка, вы не злитесь, мы сейчас домчим быстро.

– А я не злюсь совсем и не спешу.

Аромат подействовал на Яну как сильный возбудитель, она стала рассматривать водителя, насколько это было возможно с заднего сиденья. Изящные большие и красивые часы, похожие на «Patek». «Нет, не может быть, откуда у таксиста такие дорогие? Но всё равно красиво, даже если подделка». В салоне было гораздо теплее, чем на улице, и ром-кола ещё сильнее расслабила молодой организм.

– Вы сможете остановиться у киоска с сигаретами? Я быстренько куплю и дальше поедем.

– Да без проблем, конечно. Можете не торопиться, я ваш должник. Теперь я в вашем распоряжении.

– Что, и покурить можно будет? Я так устала и очень хочу курить. Если можно, я буду очень вам благодарна, молодой человек.

– Радослав.

– Что, простите?

– Радослав, так меня зовут.

– Очень приятно, Радослав. Я – Яна.

– Интересное имя. Янина – слышал, а вот Яяна – никогда.

– Ха-ха, ну в смысле Яна я, а не Яяна. Ну да, смешно получилось. Вы, я вижу, шутник.

Уже через пять минут они пили латте и эспрэссо, курили и мило болтали, поставив машину в кармашке возле мини-маркета. Всю следующую неделю Радослав подвозил Яну домой. Он был мил, учтив, немного застенчив, но в то же время очень активен в беседе. Яне было с ним весело и легко. Поэтому, когда Радослав предложил ей встретиться в воскресенье днём и провести вместе время, она ни минуты не сомневалась и дала положительный ответ. В данный час она была свободна и порядком соскучилась по мужскому вниманию и ласкам.

Глава 5

– Уже почти середина октября, а так тепло…

– Да не говори, в этом году осень просто неимоверная. Тёплая, по-летнему тёплая и невероятно красивая! Ты знаешь, я всегда мечтала именно о такой осени. Ну, ты посмотри, небо просто какое-то необыкновенное, насыщенный голубой, даже ближе к синему, цвет. Лазурный, что ли? Нет, не настолько цвет глубокий. Или лунный?

– Это как?

– Ну оно же голубое, светло-голубое, как Луна. Ты что, Луну не видел никогда?

– Ты смеёшься? Луна же желтая! Что за цвета? Лазурный, пурпурный, лунный, цвет шампанского… Не бывает такого. Есть синий, а есть желтый.

– Короче, Святодар, ты не романтик. Пойдём, сфотографируешь меня. Лично я в восторге.

– Ра-до-слав!

– Блин, Радославчик, не обижайся. Ты же знаешь, что у меня память не очень. И я так устала. Вот давай тут. Кофе хочу. Латте. Нет, что-нибудь необычное, со сливками и шоколадной крошкой, и с миндалём, и с ликёрчиком. Ой, аж слюнки потекли. Алё, ты что завис?

– Да я не пойму, за кофе бежать или фотографировать, – на самом деле Радослав застыл, любуясь Яной, её стройной фигурой, но при этом пышными формами, её осанкой, линиями бёдер и округлостями тела. Если бы его сейчас попросили описать Яну, он бы, наверное, не смог и слова сказать, так как его эмоции не давали ему сосредоточиться. Воображение не переставало представлять их вместе. Он был восхищён её красотой, но не смог бы подобрать нужных слов, чтобы выразить то, что он чувствует по отношению к ней. Скорее всего такой эффект оказывал и тот факт, что он по-особому относился к тем девушкам, которые проявляли к нему интерес. Он по-особенному на них смотрел и по-особенному их оценивал. К тому же, у него уже давно не было серьёзных отношений, и кровь играла в жилах. Радослав был влюблён.

– Яночка, ты готова? Я фотографирую.

– Так хорошо? – Яна стала позировать. – А так? Ну скажи, Радославчик, как лучше встать? – она замерла, став в пол-оборота, поставив обе руки на талию. Слегка наклонила голову вниз и выпучила губы.

– Ян, так отлично. Не двигайся и улыбнись, у тебя такая красивая улыбка!

После фотосессии они много гуляли до позднего вечера. Яна проголодалась, и Радослав пригласил её заехать в Мак драйв:

– А чего, сейчас заедем в ближайший Мак, закажем там всего побольше – и нормально! Как ты смотришь на такое предложение?

– Радослав, я – за. Плохо, что там алкоголь не предлагают.

– А мы сейчас проверим. Если не предложат, мы что-нибудь придумаем, не переживай. Только давай сначала перекусим.

– Я согласна, поехали, босс!

– Радославу нравилось настроение Яны, и он, возбуждённый, надавил на педаль газа, выжимая максимум того, что могла его малышка.

– Доехав до Мака, они с любопытством принялись изучать меню. В принципе, ничего нового Макдоналдс не предлагал, но, учитывая, что для Яны, как и для Радослава, посещение данного заведения было редкостью, обоим потребовалось время, чтобы определиться с выбором.

– Ян, я буду Биг Тэйсти Меню и кофе, а ты?

– Ой, блин. Я так быстро не могу определиться. Давай возьмём мороженое, пирожок и тоже кофе, латте.

– Только давай отъедем куда-нибудь подальше отсюда. Кстати, я знаю хорошее местечко. Там тихо, спокойно. Можем там перекусить и кофейка спокойненько попить.

– Ну, вези, Радослав, ты же за рулём.

Яна узнала место, куда свернул её ухажёр:

– Ты серьёзно? Куда ты едешь? Это же больница!

– Да, ну и что? Мы же не на приём к психиатру! Не прикалывайся, тут даже охраны нет. Территория большая, открытая, въезд свободный. Там просто красиво и тихо. И потом, причём тут больница? Нет, ну если ты против, поехали обратно на парковку Мака. Я просто хотел уединиться.

– Да мне вообще-то всё равно, как хочешь, просто как-то стрёмно тут.

– Да ладно, ты что, боишься? Все психи в клетках. Уже ведь поздно.

Тут тихо и спокойно, красивая природа, птички – все дела. Мы выходить не будем. Покушаем, попьём кофейку и дальше поедем. Двери заблокируй, вдруг психи захотят с тобой познакомиться.

– Очень смешно, вообще-то я не из пугливых, – Яна уже доела своё мороженое и достала из пакета пирожок с вишней. – О, он божественен!

– Приятного аппетита, Яночка!

Они проехали мимо приёмного отделения, свернули с основной аллеи, затем ещё и ещё. Радослав уже сам не понимал, куда он едет, и лишь искал удобное место, чтобы развернуться. Заехав передними колёсами в грязь, он понял, что пора ехать назад. Но машина застряла. Он стал раскачивать её взад и вперёд и всё-таки смог выехать. Развернувшись, он поехал, как ему казалось, в обратном направлении. Но на самом деле всё дальше и дальше удалялся от центрального въезда вглубь леса. На дворе уже была ночь, и тут, в лесу, без единого фонаря, была полнейшая темнота.

– Ты остановишься, наконец, или нет? Ну, сколько уже можно петлять? Я хочу кофе и курить. Тормози. Дай салфетку, я уже пролила из-за тебя. Блин, ну я так и знала, новая юбка.

– Яночка, извини, всё, сейчас, вот. Тут нормально?

– Да какая, на хрен, разница, нормально, не нормально. Блин, завёз хрен знает куда. Где мы?

Радослав сам начал понимать, что не совсем правильное место выбрал для романтического вечера. Ему стало неудобно, и он покраснел, представляя, что испортил разрабатываемый несколько дней план:

– Мы, эта, в психушке!

– Очень смешно.

– Яночка, всё нормально, не злись. Сейчас докушаем, попьём кофейка и поедем дальше. Вон дорога, видишь? Зато тут нас никто не потревожит.

– Слушай, Радослав, мне надо кое-куда, ну ты понимаешь.

– Да, конечно! Я пока сменщику наберу. Смотри там, не балуйся.

– В смысле?

– Да шучу я, Яночка. Я здесь.

Яна вылезла из машины, оставив сумку на сиденье. Затем вернулась и забрала её с собой.

– Ты что, мне не доверяешь?

– Да нет же. Просто, во-первых, она мне нужна, а во-вторых, это, между прочим, плохая привычка оставлять сумку где-либо. Да и телефон там, и сигареты. Никуда не уезжай, окей? Как-то тут жутковато. Блин, сейчас я вернусь, и уедем отсюда, хорошо?

– Конечно, Янчик. Как скажешь. Но тут тихо и спокойно. Можно поболтать тут, посидеть и всё такое… – говоря это, Радослав почувствовал резкий приток крови ниже пояса, участилось сердцебиение и появилось это состояние волнения в груди, в районе солнечного сплетения. Они знали друг друга уже ровно неделю, а ещё ни разу даже в щёчку не чмокнулись. С Радославом так всегда случалось, когда он влюблялся. Он становился стеснительным, чрезмерно скромничал. Это только тогда, в первый день он был так смел, по привычке болтал обо всём без стеснения, руку подавал, комплименты отвешивал. А потом замкнулся, из головы не выпускал ни на минуту её. Всё мечтал и фантазировал, даже во сне.

Что касается Яны, то для неё это вообще был рекорд. Семь дней принимать ухаживания от молодого человека и при этом даже не поблагодарить его поцелуем? Конечно, она испытывала по отношению к парню совсем другие чувства, но он ей определённо нравился. И она решила, что сегодня уж точно не позволит ему снова уехать ни с чем.

«Скромняжка, – думала она, – только место он выбрал для свидания какое-то не очень. Можно же ко мне поехать, взять коньячка или водочки, или без разницы, что пить, грейпфрут или виноград, горький шоколад, хотя можно и молочный. Точно, я сама ему всё предложу. Какой-то он чересчур осторожный, влюбился что ли? – Яна хихикнула и обернулась, не видит ли он её, – нет, слишком близко, отойду дальше. Мало ли, вдруг услышит, как журчит ручей». Яна снова хихикнула.

Впереди, метрах в трёх, она увидела большие кусты сирени и точно определилась с местом. Зайдя за них, достала телефон, чтобы посмотреть время, как вдруг правая нога резко скользнула вперёд. Пытаясь удержать равновесие и не уронить мобильник, Яна выгнулась, но это не сработало,

наоборот, вторая нога взмыла в небо, и она с большой силой опрокинулась на спину. Руки удерживали сигарету и сумку, поэтому не смогли смягчить падения, а вот голова болтанулась и со всего маха треснулась обо что-то твёрдое. Это был большой булыжник. Накануне вечером в этом месте прорвало трубу. Подачу воды перекрыли, но к тому времени уже успело натечь прилично. Глинистая почва быстро размякла, и в нескольких местах образовалась скользкая глиняная каша под негустым слоем травы. Яна потеряла сознание, вскрикнув при ударе головой. Но Родя ничего не слышал. В салоне играла музыка, он уже четвёртый раз набирал своему коллеге, но тот не отзывался. Причём сначала просто не брал, а последний раз сбросил.

– Вот козёл! Ну, ты посмотри. Опять загулял. Ну, возьми же ты трубку, скажи, как есть. Я же человек, всё понимаю. Нет, сейчас ему не хочется, видите ли, разговаривать, или бухает, или ещё что. А потом будет слёзно просить простить ему один день аренды по причине якобы болезни. А Санычу что говорить, блин, задолбал. Придётся завтра самому выходить. Хотел с Янчиком побыть подольше. Ну как всегда, что за люди?! Козёл, блин – ругался вслух Родя.

Выйдя из машины, он нащупал в кармане спички и закурил. Он стоял спиной к тому месту, куда ушла Яна, опершись на стойку своей ласточки. Докурив сигарету, он снова сел в салон и опять набрал Алексея. Не дозвонившись, Радослав глянул на часы, прошло уже минут десять с того момента, как Яна вышла «позвонить».

«Ну, где же она? Что там можно делать так долго? Неужели приспичило?» – подумал Родя и расплылся в улыбке. Его начало распирать от смеха, и он покраснел, подумав о том, что может смутить Яну своими улыбками. Остановиться было трудно. Он начал в уме представлять эту картину.

«Всё, Родя, хорош», – успокаивал он себя и снова заливался от смеха, прикрывая рот двумя руками, стараясь, чтобы его не услышали. Прошло ещё какое-то время, и уже становилось странным, что Яна не возвращалась. «Ушла что ли? Да ладно, не может быть такого. Может, она вступила в собачье дерьмо? Или в своё, ахахаха, всё, Родя, заканчивай, ну не смешно. Что делать?»

Он вышел из машины, закурил и стал всматриваться в темноту. «На хрен я её сюда завёз?»

– Яна! – негромко позвал он. – Яна, ты где? Ты в порядке там?

Номер не отвечал. Это было ненормально, хотя, если брать во внимание вероятную «деликатную ситуацию», наверное, никто бы не отвечал – так оконфузиться. «Но она же не могла мимо меня проскочить? Или могла?» – продолжал размышлять он.

Телефон Яна перед свиданием поставила на беззвучный режим, чтобы никто не мешал. Могла позвонить мать, тётя или с работы, а она не хотела, чтобы её отвлекали в этот вечер.

Радослав думал и набирал её номер. Теперь гудки поменялись. Её телефон был отключён. «Ну, похоже, всё сходится», – подумал Родя, но всё же решил немного пройтись для самоуспокоения и поискать девушку поблизости. Он направился в противоположную сторону от выезда, предварительно закрыв автомобиль. Сойдя с тропинки, он влез в грязь, поскользнулся, но устоял на ногах, а через секунду оказался на траве без сознания, сокрушенный сильным ударом металлической трубой по затылку.

– Минус!

– Проверь!

– Проверил.

– Хорошенький, молодой. Лет двадцати.

– То, что надо! Как заказывали. Умничка, сам пришел. Что он тут делает?

– А что они все тут делают?! К нам приходят в гости, – Монгол покачал головой и начал шарить по карманам. Сразу нашел ключи от машины и резко обернулся, всматриваясь в ночь:

– Смотри-ка, он на тачке. Вон она. Давай с ним закончим, а потом и машиной займёмся.

– Так эта, Монгол, машина – это хреново! Что мы с ней делать будем?

– А что теперь делать? Будем разбираться. Давай, не базарь, бери за ноги. Потащили.

– Не, я за носилками смотаюсь, – Урод устремился к одному из корпусов, где за невысокой оградкой на провисших верёвках, растянутых между яблонь, сушились бельё и матрацы постояльцев лечебного учреждения. Все до одного матрацы были в оранжево-коричневых разводах, со сбившейся ватой внутри. Так же, как и у белья, вид у них был очень печальный и угнетающий. Их состояние очень чётко передавало в целом обстановку госучреждения. Тоска-печаль.

– Монгол, я тут! Га-га.

– Чё ты орёшь? Не в адеквате?

Они стали вязать парню руки и ноги, заклеили клейкой лентой рот и понесли его в своё приёмное отделение.

Глава 6

– Что будем делать?

– Ну, есть два варианта.

– Каких?

– Ты знаешь: второй – это бегать!

– Блин, Тима, я серьёзно. Я не хочу домой. Что будем делать?

– Не знаю, Лорочка моя миленькая, давай думать. Кушать хо?

– Не! Ну чуточку только! Но я не о еде. Можем поесть в Маке, а потом что? Я уже не могу дома сидеть.

– Давай, предлагай.

– Нет, ты.

– Шашлычок? Как в старые добрые?

– Не сегодня.

– Акей, тогда давай в гости к кому-нибудь…

– Да нет, ты время видел? Поздно ведь. Да и не к кому. Где все твои друзья алкаши подевались? Вот когда нужно – никого нет. Помнишь, как раньше круто было? – Лора погрузилась в воспоминания, и улыбка расплылась на её лице.

– Что? Ты соскучилась по алкоголикам? Во даёт, да ты же мне всю плешь выела, когда просила с ними не видеться больше. Ты же сама говорила, что они неудачники и у них цели в жизни нет, ты же…

– Да, говорила, ну и что?

– В смысле? Я же их всех на хрен послал из-за тебя, я же все концы оборвал, а ты говоришь, что соскучилась. Я в шоке, Лоло. Ну, бабы, я хренею.

– Было весело, помнишь, как мы вместе на стадион ходили, нашу традицию, шарфы, пиво, дудки, – я эти эмоции никогда не забуду! Эта атмосфера единства, эта радость победы! А помнишь, Ти, как вы с Тренером, пьяные, в мини-маркете «кассу брали» у тебя на районе? Ну, когда вы в шарфах футбольных после нашей победы продавцам сникерсами угрожали, ржали как кони и в итоге половину спиртного скупили в маркете? У меня от смеха истерика была тогда.

– Да, конечно, это был шедевр. Девочки на кассе нас сразу узнали. Блин, надо посмотреть это видео. У тебя есть в телефоне?

– Да нет, на флэшке. Дома глянем. Вот они вас любили эти продавщицы!

– Ну конечно, любили, мы же им всегда глазки строили и комплиментами одаривали. А они нам в благодарность всегда говорили, если что-то не свежее, и

всегда были рады нам.

– А как мы над вашим знакомым таксистом издевались, помнишь? Ну, когда Сеня прикалывался, что его тошнит. Я сейчас умру от смеха. Вот же он, бедняга, напуган был. А Сене попробуй что-то скажи. Ой, не могу, Ти, сейчас описаюсь, он же такой здоровый. Таксист такой перепуганный был, что Тренер ему машину загадит.

– Да, точно, это было что-то. Бедный Губошлёп.

– Точно, Губошлёп Витя на «мерсе» разваленном. И воняло у него всегда в салоне дерьмом. Нахрена вы его заказывали?

– Ну, поприкалываться. Он же такой смешной, этот Витька.

– Тима, пойдём. Я уже не досижу до конца этого шедевра, ну его на… Пойдём на улицу и там решим. У тебя ещё пиво есть?

Они вышли из зала, раскачиваясь и сгибаясь от смеха, вспоминая былые годы и беззаботное время. Хотя с тех пор прошло всего каких-то пару лет, всё как-то изменилось. Нельзя сказать, что сейчас было много забот, но всё стало другим. Люди поменялись, они поменялись. Хотя им казалось, что они – нет. Но, по-видимому, было именно так. Люди с годами меняются. Тима всегда удивлялся тем семьям, которые десятилетиями поддерживали дружеские отношения друг с другом. Встречались по праздникам, на выходных, не переставали быть друг другу интересными. Даже их дети становились друзьями. Возможно, эти люди притворялись, возможно, они так же, как и все, ненавидели друг друга, но им приходилось общаться и регулярно видеться. Может, их объединяла работа, быть может, тайны, а может, это было банальное: «Нам нужно с ними поддерживать связь, они уважаемые в обществе люди». Да, лицемерие и лизоблюдство он никогда не понимал. Если человек становился ему неприятен, он рвал с ним любые отношения. Ну как можно проводить время, своё личное свободное время с теми, кто тебе неприятен? Эти натянутые улыбки, эти слова, типа, брат, друг, дружище, братик. Такими словами раскидываться нельзя! Эти слова несут особую смысловую нагрузку, особое отношение, особые чувства, эмоции. Но в современном мире такие слова стали кидать направо и налево. Называя так тех, кто удобен, кто выгоден, кто нужен. При этом все всё понимают и знают. Но, видно, это стало нормой. Часто люди собираются, чтобы

померяться своим «достоинством», расхваливая своё: «А я» и «А у меня».

Вообще, наверное, люди ищут себе подобных, и даже если кому-нибудь они кажутся странными или неприятными, то находятся такие, кто с ними себя чувствует вполне комфортно. Это была не его практика, он не хотел убивать время на пустые разговоры, улыбаться тем, кто ему неприятен, обнимать того, кого считал подлым, ненастоящим, злым, невоспитанным, непорядочным. Жизнь не стоит этого, нужно отсекать такое общение и наслаждаться каждым её днём.

Его бывшие друзья, алкаши – не такие уж и алкаши, просто весёлые ребята. Да, когда-то им было весело вместе, но потом обстоятельства рассорили их и отделили друг от друга навсегда. Уже никогда не будет как прежде. Кто-то пропал сам, кто-то уехал за границу, кто-то ушел в мир иной. С другими не поделили доходы, с третьими разругались на политической почве. Кого-то он сам убрал из своего окружения, так как посчитал их ненужными и отравляющими его жизнь людьми.

Но прошлое всегда вспоминалось с улыбкой на лице, и если бы его спросили: прожил бы он так же этот период своей жизни ещё раз, была бы такая возможность – он бы ответил: «Да!»

– Тима, ты чё завис? Уснул на ходу? Или вискарик торкнул? – Лора стукнула его в плечо своим крошечным кулачком так по-детски, легонько и сверху вниз, и тут же поцеловала в лоб, повиснув на шее и поджав ноги.

– Да не, Лор. Чёт приуныл, шучу – задумался. Иди, куда тебе нужно, а я пока пойду на бар, там девочка симпатичная, пообщаюсь.

– Я тебе пообщаюсь сейчас. Ты чё, вообще уже? Бессмертный? – Лора обернулась, показала ему кулак и, закусив губу, мило улыбнулась. – Так вот где ты был? Сейчас вернусь, сходим вместе, глянем на твою новую малышку.

Тима знал, что называть вещи своими именами всегда лучше, чем скрывать что-то и потом попадаться на этом как «пацан». Глянул на девушку в присутствии своей любимой – не ври, не сочиняй, пошути, обсуди, какие у той красивые ноги, длиннющие, но, например, нос страшный, задница висит как мешок или грудь маленькая. Вроде поймали тебя, а ты отшутился и не обманул, и ещё любимой комплимент сделал. Ну, или, например, засмотрелся на чью-то грудь, оп,

спалили. Не тушуйся, быстро скажи: «Ого, какая огромная грудь, ну как же ей неудобно, наверное». И, типа: «Это перебор, такая никому не нравится, только в порнухе сниматься, чёрт-те что». Тут важно с умным лицом говорить и даже можно головой покачать. При этом можно продолжать дальше пялиться. Это он сам придумал. Всегда работает. Главное, не засмеяться. И обосновать логически.

Лора вернулась быстро, уже с куртками, и они направились в сторону эскалатора.

– Мне нужен бензин, начинаю засыпать. Ты же видишь, подвисаю.

– Может быть, сначала пойдём в Мак?

– Нет, ты же знаешь, я не могу думать, когда топливо закончилось. Ворчать начну.

– Акей. Акей, пойдём. Купишь мне шоколадку?

– Конечно, дорогая, любой каприз взамен на твоё хорошее настроение. Ну что, куда рванём? Ты придумала?

– Не знаю, Тима. Я так расстроена из-за этого дурацкого фильма. Столько ждали. Хочется каких-то эмоций. Не знаю, ну что, после кинотеатра идти домой и пересматривать снова какой-нибудь старый добрый фильмец?

– Давай будем действовать последовательно и не спеша. Куда спешить? Завтра в школу не пойдём.

Они спустились в супермаркет, взяли пива, орехи, какой-то шоколад и по дороге к Макдоналдс импульсивно обсуждали дальнейшие планы и возможные варианты. Градус настроения был на нужном уровне, и Тиме пришла в голову безумная, но интересная идея.

Они не любили экстрим, не любили риск и тем более неоправданный риск. Скалолазание, сноуборды, прыжки с парашютом, «роупджампинг», по мнению обоих, были хождением по краю пропасти, человеческой глупостью,

идиотизмом.

– Такой экстрим не может вызывать удовольствие. Наоборот. Дискомфорт, страх смерти или травмы, что зачастую хуже смерти.

– Я, Лор, вообще не понимаю, нахрена это делать. Адреналин, блин. Идиотизм! Ну, скажи, Лор!

– Та да. Как можно лазить по краю крыши? И главное, зачем? Ну какой в этом смысл?

– Я, когда смотрю видеоролики с этими «руферами» бестолковыми или с теми сумасшедшими, что в костюмах белки-летяги прыгают со скалы вниз, у меня яйца поджимаются. Это невозможно смотреть. Дураки. Мне кажется, у них просто отсутствует что-то, отвечающее за страх.

– Ген страха?

– Ну не знаю. Мозгов у них нет. Это не смешно, это опасно, по-любому. И точно не стоит жизни. Или эти помороженные, те, что ныряют к акулам.

– Ага, потрогать акулу им захотелось, вот дурачки. А потом фильмы про таких отважных и безруких смельчаков в лучшем случае снимают. То клетка сломалась, то оторвалась, то кислород закончился, то ещё что-нибудь.

– Пойди, блин, в аквапарк, посмотри на акул, но при этом останься живым. Я же говорю: дураки. Так самое главное, ничего людей не учит. Ну, сколько уже погибло, сколько по глупости разбилось, сколько лежат прикованных к постели. Или вот этот лыжный спуск. Ну, блин, рано или поздно ломают ноги, всю жизнь хромать потом или как овощ лежать в коме. Не, ну реально, сколько любителей лыжни и сноубордов лично знаю, почти все ломали ноги.

– Ой, Ти, не говори! То ли дело мы. Любим, мягко чтобы было, уютно и тепло. Кстати, эти ещё придурки, любители холода. Это же надо придумать такое, чтобы зимой, в мороз идти в горы, ещё если там угроза схода лавины.

– Ещё если никому не сказать.

– Ага, ещё если забыть еду и тёплые вещи. Ах-а-ха, помнишь, как тебя друзья твои в поход позвали? Пообещали всё, что нужно для тебя, ну там «каримат», спальный мешок. А оказалось, всё забыли, даже одеяло, ой, не могу, Тима, сейчас лопну от смеха. Как ты бедный замёрз там. Так это лето было?

– Нет, май. Майские праздники. Турысты хреновы. Кто же в мае в лес идёт? Это мне потом ботаник один сказал, что в мае комары просыпаются и от голода умирают. А у нас ничего с собой от комаров не было. Да и не помогло бы, их тогда там тучи были.

– Покормили комаров, нормально.

– Та да. Это моя последняя вылазка туристическая была. Еды нет, замёрз как собака, комары искусали всего, голова раскалывалась от спиртного. А эти – хоть бы хны, сидят у костра, на гитаре играют. В труселях в одних, на теле места живого нет, всё искусано комарьём, дождь идёт, кресло в костре догорает, а им хорошо, по барабану всё.

– Нет, Тимочка, это не наше. Нам, чтобы мягонько было, комфортно, чисто, удобно, вкусно, тихо, спокойно. Зачем себя напрягать или испытывать?

– Согласен. Полностью согласен. А посему, предлагаю не медлить и поесть вкусный чизбургер.

Глава 7

– Ну давай, поедим и домой, – Лора обняла Тиму за талию и прижалась, представив их уже дома и в постели.

Тима также обнял любимую, и они направились в сторону остановки общественного транспорта к ночному киоску. Иногда они могли пройти в день до двадцати километров, прогуливаясь за ручку. Им никогда не было скучно, всегда находились темы для разговоров, всегда было что обсудить. Самым весёлым они находили – раздувать истории из ничего, описывать во всех красках вымышленные ситуации с людьми, которых они знали, и с теми, кого просто

выдумывали. На их счету были сотни просмотренных совместно фильмов ужасов, триллеров, детективов, драм и комедий. Часто, увидев какого-нибудь персонажа на улице в толпе или одиноко идущего им навстречу, они тут же раздували в своём воображении целую историю, связанную с ним, подробно описывая его, его жизнь, работу, семью и хобби. Это была своего рода разминка для ума, развитие воображения, способ поднятия настроения и просто времяпровождение. Во время таких «раздувательств» они ощущали неимоверное возбуждение и видели описываемое ими как наяву. Главное, им обоим это было интересно и увлекательно.

– Блин, ну фильм, конечно, отстойный. Кто бы мог подумать? А трейлер неплохой. Ну, ты понимаешь, пока не посмотришь, не узнаешь, какой он. Это же ты любишь читать отзывы.

– Ой, да ладно. По отзывам можно понять хотя бы приблизительно, стоит ли смотреть или нет.

– Да кто эти отзывы пишет? Прыщавые тинэйджеры? Ты веришь их мнению? Лично я – нет. Пока сам не гляну, не буду никого слушать. Сколько раз было, когда фильм разрекламирован и отрекомендован, а оказывается банальной пародией, причём дешевой, на хорошее кино.

– Да, осадочек после кинотеатра не очень. Что-то последнее время частенько мы на такую туфту попадаем.

– Как насчёт адреналинчика?

– В смысле, Тима, ты что там задумал?

– А давай пройдёмся в другом направлении. Ну, заглянем кое-куда.

– Куда?

– Пошли.

Тима уверенно взял Лору за руку и потянул в противоположную сторону от той, в которую они двигались. Глаза горели решимостью. Идея попугать друг друга

немного пришла к нему давно. Они это любили оба. Иногда они даже не могли подолгу уснуть, не прочитав что-либо ужасное или не посмотрев чего-нибудь зловещего перед сном. Им нравились мистика и тема маньяков, психопатов, убийц и ненормальных. Это их заводило и возбуждало. Но одно дело смотреть кино в удобном кресле в защищённом доме в безопасности, а другое дело испытывать живые эмоции наяву, становясь участниками реального действия, подпитывая костёр эмоций дровами воображения и памяти.

Несколько сотен метров Тима шел молча и не реагировал на вопросы Лоры, погрузившись в размышления над тем, что именно им предстоит сейчас увидеть, и участниками чего им предстоит стать. Тима тащил Лору за собой в увлекательное ночное путешествие по территории психиатрической больницы.

Ворота, как всегда, были открыты настежь. Тима всегда задумывался об этом, проходя мимо. Почему тут никогда не было ни шлагбаума, ни сторожа, ни пропускного режима? Почему в любой другой больнице территория огорожена со всех сторон и имеет ограниченный доступ?

Всегда, но не сегодня. Сегодня их вела тяга к приключениям. Сегодня они не думали о безопасности, о предрассудках, о глупости своих действий. Вот оно, вот то, чего им не хватает в повседневной жизни. Небольшой ночной безобидной авантюры. Лора сперва бежала навстречу интриге, когда поняла, что Тима не шутит, немного опешила, но интерес преобладал над сомнением и страхом. А та человеческая глупость, которую так любили оба обсуждать, заставила забыть о примитивных мерах осторожности. Алкоголь отключил инстинкты самосохранения, стёр грань между настоящим и вымышленным, они будто были персонажами какого-то фильма, при этом напрочь позабыв, к чему приводит безрассудность и глупость, так часто описываемая во всех красках в фильмах любимого ими жанра ужасов.

– Тима, ты серьёзно? Мы действительно идём туда, куда я думаю? Не шути, Тима, не смешно. Мы же уже тут были!

Они действительно уже были тут и не раз. Однажды, после неудачного кино, они с друзьями так же решили пошутить и попугать друг друга. Но это больше походило на то, как люди делают селфи в опасном месте или на фоне его. Они постояли с края, у забора, посмеялись, потолкали друг друга, перекурили и всё. Но разговоров после – было на месяц. Они фантазировали по поводу того, что может по ночам происходить на территории больницы, и что могло быть, зайди

они тогда чуть глубже. Неоднократно прокручивались в голове и весело обсуждались в компании различные сценарии происходящего. Тогда возникла идея предупреждать мать или кого-нибудь из друзей перед очередным подобным походом. Но все единогласно сошлись на том, что любой из друзей пошлёт куда подальше, если ему ночью позвонить и сообщить о том, что два ненормальных идут гулять в психушку и просто хотят об этом кого-нибудь уведомить. Ну а заставить родную мать нервничать от того, что её ребёнок – идиот или пьяница, которому скучно, или что это вообще белая горячка? Нет, с матерями так поступать нельзя. Да и что за глупости вообще? Ничего страшного нет в том, чтобы погулять в кромешной тьме на территории психбольницы. Так и решили.

Но на этот раз всё будет по-настоящему. Тима долго вынашивал этот план, вернее, никакой это был не план, а просто навязчивая идея. Это было странным, имея такую идею, не продумать детали. На Тиму это было не похоже. Всё в его жизни подвергалось тщательному анализу – любой шаг, любое слово, любая встреча. Эту привычку, или можно сказать навык, он приобрел около пяти лет назад, увлёкшись чтением и саморазвитием. Однако Тима был близнец, и в этом, с одной стороны умном серьёзном человеке, вторая его половина была абсолютно противоположной. Иногда он поступал опрометчиво, необдуманно, следуя мимолётному желанию или порыву агрессии. Это был добрейший человек, но в то же время иногда на него находило состояние неограниченной ярости, когда он не контролировал ни речь, ни действия. Такое случалось редко, но случалось, и потом он сам подолгу не мог понять, как произошла с ним та или иная ситуация. Тима был умён и целеустремлён, но иногда рассуждал и вёл себя как непуганый мальчишка, который ничего не боится и готов, по своей неопытности, к ряду глупых поступков, и, как ему кажется, подвигов. Сколько раз обдумывалась тема алкоголя. Сколько раз делались выводы и умозаключения: сколько бед приносил зелёный змий. Но случалось, когда этот гад вползал в незащищённые от напасти места жизни Тимы и хотел разрушить её или максимально испортить. Конечно, это нельзя назвать раздвоением личности, но двоякость мышления или разносторонность, разрозненность поведения, отсутствия одной жизненной позиции и концепции говорили о том, что Тиме нужно было больше работать над собой, над самосовершенствованием, над самоконтролем и самосознанием. Человек должен контролировать себя, свои мысли и тем более действия. Невозможно поступать вразрез с убеждениями, верой, ценностями и здравым смыслом. Не может адекватный человек поступать неадекватно. Вот и в этот раз обильная доза «отравы» сделала своё дело и спровоцировала его на глупость. Появилась какая-то необъяснимая тяга во что бы то ни стало попасть на территорию и нарваться на

приключения. Нет, только воображаемые, конечно, ведь он не мог рискнуть безопасностью Лоры. Не мог, но рискнул. Расслабленный мозг, отравленный сперва виски, а затем и тонной пива, лишь веселился в предвкушении острых ощущений. Он вдруг погрузился в воспоминания. Ему вспомнился пионерский лагерь, страшилки, рассказываемые друг другу по ночам, гадание, вызывание духов. Он вспомнил, как сам изготавливал доску для общения с потусторонним миром. Его это заводило как тогда, так и сейчас. И хоть это было уже более двадцати лет назад, Тима прекрасно помнил, как он обманывал и пугал ребят из отряда, подстраивая всё так, будто с ними говорили души умерших. Он сам, на правах создателя доски, руководил процессом и держал иголку на нитке в центре круга с буквами. Когда было нужно, он делал незаметные движения пальцами рук, что двигало иглой в нужном направлении и приводило в ужас весь отряд. Он сначала смеялся молча, а потом, забывая, что это было его рук дело, сам начинал верить в реальность процесса. Это порождало уйму незабываемых ощущений и эмоций: страх и интерес, трепет перед неизведанным и в то же время неописуемый восторг. Всё последующее время он с товарищами продолжал находиться в состоянии какой-то мистики, всматриваясь в темноту, изучая знаки, подаваемые природой: внезапные порывы ветра, падения деревьев, шелест кустов, не находя никакого другого объяснения этому, как только лишь знаки с того света.

Сейчас у него не было ощущения опасности. Он надеялся только лишь получить незабываемые эмоции, навеянные исключительно его воображением. Он хотел создать ситуацию частично реальную, но всё же больше состоящую из домыслов и догадок. Тут, по его мнению, просто не могло быть опасно. Но он продолжал накручивать себя и Лору для того, чтобы задать необходимый тон настроению и прийти в определённое состояние.

– Слышишь, экскурсовод. Сусанин, ха-ха. Типа ты тут знаток территории?

– Лора, ты, главное, не отставай. Да, знаток. А что? Ну, был тут не раз. Я тебе на обратном пути в аптеке лекарство от склероза куплю. Я же тебе рассказывал, как и при каких обстоятельствах я здесь находился. Да, не лучшее это место в нашем городе. А для прогулок вообще не годится.

– Да ладно тебе, отличное место, то что нужно. Только пообещай мне, любимый, что в следующий раз не потащишь меня ночью на кладбище.

– Обещаю. Нет, на кладбище не пойдём. Это не шутки. С такими вещами не шутят.

– А с такими, как психушка, шутят?

– Ну да, и с такими не шутят. Но мы быстро. Только немного позаглядываем, и всё.

– Куда ты собрался заглядывать?

– Как куда? К буйным в отделение.

– Э, Тимка, завязывай!

– Та нет, дорогая, мы только начинаем. Бу-га-га-га.

– Тиме нравилось пугать Лору. Это было непередаваемое чувство. Он не знал – адреналин или что? Но это не тот адреналин, который чувствуешь перед дракой или когда смотришь с высоты вниз. Это какой-то особый…

Дух стало захватывать от возбуждения. Мурашками покрывалось всё тело, обострился слух и остальные чувства. Они уже долгое время двигались почти в полной темноте. Глаза начали потихоньку привыкать. «Но почему не горят фонари на столбах?» – думали оба.

* * *

– Что это? Ты слышал? Эй, ты что завис, Урод?

Помимо своего психического заболевания, Степан Трофимович Чалый по кличке «Урод» действительно был к тому же и некрасив. Зубы он потерял, отбывая свои сроки в местах не столь отдалённых за хулиганство, нанесение тяжких телесных и убийство. Там за своё место и положение ему не раз приходилось бороться. Иногда схватки были не на жизнь, а на смерть. Так он потерял безымянный палец, доказывая свою правоту в споре, где ставкой была его жизнь. Он добровольно отмахнул его себе топором, «отвечая за базар». Во время бунта

блатных, в котором он принимал активное участие, ему здорово досталось от спецназа. В неравном бою он лишился трёх зубов и селезёнки. Там же ему и сломали одну скуловую кость. Без того «красивый» от рождения, он стал ещё краше.

– Да. Кто-то ещё пришел к нам в гости. Аншлаг! Куда их всех?! – возмутился Стёпа.

– Ну даёт! Тебя не поймёшь: то много, то мало. Ну-ка, посвети! Вот она, голубка. Что, пьяная что ли?

– Может, это тот, «Иван», её того, завалить хотел? Или отлюбил её и думал, что мочканул? – на лице Урода расплылась улыбка, – во маньяк! Ну как так можно?

– Хорош, проверь, что с ней!

Урод стал на колени, прислонился ухом к груди бедной девушки, будто пытался услышать сердцебиение, а затем быстро лизнул её, проведя своим вонючим слюнявым языком по всему лицу от шеи до лба как довольный пёс, благодарящий своего хозяина за вкусную косточку. Затем стал громко сопеть носом и метаться из стороны в сторону, изображая возбуждённую дворнягу и брызжа слюной.

– Слышь, хорош! Ты больной? – Монгол кинулся к нему и оттянул Урода за шиворот. – Харэ комедию ломать, придурок ты долбаный. Работы полно ещё, а ты…

– Мама, – еле слышно раздалось из-за спины.

Пока Монгол проводил воспитательную беседу, Яна очнулась и приподнялась с земли на локти. Урод пулей метнулся к ней, и уже через секунду Яна снова была в отключке. Сокрушительным ударом ноги, обутой в военные «берцы», девушка была впечатана в землю. Точный, со всего маху удар ботинком в нос, выключил беднягу надолго. И если в первый раз от удара о камень сотрясение было лёгким, то этот удар мог оказаться для Яны последним. Уж что-что, а добивать беспомощного или лежачего Урод умел.

Глава 8

Тима знал территорию, как ему казалось, неплохо. Ведь за последние несколько лет он здесь не раз бывал. У его приятеля Дениса отец каждый год проходил лечение в одном из отделений психбольницы. Отсидев десять лет в тюрьме за бытовое убийство, он вышел на свободу с поехавшей крышей. В принципе, почти всегда он вёл себя более или менее нормально, но иногда бывали обострения. Вот тогда его и помещали на двухнедельное лечение в стационар. Тима поддерживал товарища и навещал дядю Виталия вместе с Денисом.

У Лоры была другая история. Судьба и её заставила посещать это не совсем приятное место также неоднократно. Ещё в детстве она познакомилась с этой стороной жизни, когда её родная бабушка попала сюда в преклонном возрасте. Нет, она не сошла с ума, просто у неё началось так называемое слабоумие. Клетки мозга медленно отмирают, и человек теряет и память, и способность понимать связь между настоящим и вымышленным. Поведение такого человека становится поначалу странным, потом неадекватным и часто опасным. В случае с бабушкой Лоры причиной появления слабоумия, по мнению врача, стала травма головы, полученная ею в молодости. Она выпала из автомобиля на ходу и сильно ушибла голову. Удар повлёк за собой потерю сознания и длительное лечение. К счастью, это была закрытая черепно-мозговая травма без деформации костей черепа, но в итоге, в старости проявила себя таким жестоким образом. Сначала Елена Петровна стала терять память, забывала имена, названия предметов. Затем путала свои левую и правую руки, пыталась, к примеру, писать левой, будучи правшой. Путала левый и правый ботинки, надевала кофту на ноги и так далее. На это было тяжело смотреть и мириться с этим. Дед Борис страшно мучился от этого и переживал до слёз. Постепенно состояние бабушки ухудшалось, и она стала опасна для всей семьи. Участились случаи, когда она включала газ без огня, оставляла включённой воду в раковине. Однажды её просто забрали в больницу, в ту самую, и поместили с реально психически нездоровыми людьми. Толстая металлическая дверь с уймой засовов, страшный специфический больничный запах, но отличный от других лечебных учреждений. Какой-то необычный, особо тревожный запах страха и смерти. Каждое посещение больницы было травмой для всех. Видеть бабушку в окружении ненормальных людей было мукой. Часто по ночам, в детстве, Лора видела пациентов больницы. Это были седые старухи с пустыми глазами и серой, почти прозрачной кожей, обтягивающей выпирающие кости лица. С темно-синими венами на руках, будто залитыми чернилами, с вздутыми

многочисленными узлами. Казалось, будто под кожей земля, рыхлая, с червями и разными слизняками и личинками, проделывающими ходы повсюду и в любой момент готовыми выбраться наружу. Старухи то неподвижно сидели, застыв, устремив взгляд в какую-то точку на стене, то раскачивались сильно, сидя на одном месте, уставившись на Лору и что-то бормоча. Но самым страшным было, когда они преследовали её, хватая за руки и брызжа слюной из чёрных беззубых ртов с впавшими челюстями и сморщенными фиолетовыми губами. Ей долго снились поочерёдно все те, кого она встречала, посещая бабушку. Могучие, огромные дядьки, ведущие себя как груднички, познающие мир. Агрессивные тощие парни, бросающиеся друг на друга, на окна и на стены. Но самое страшное – это глаза. Лора всегда будет помнить их глаза – у кого пустые, а у кого полные зла, боли и непредсказуемости.

Она была ещё очень мала, чтобы понять, что именно произошло, и никогда потом не хотела узнавать причины и подробности. Вроде как это было двухнедельное обследование. Врач говорил, что болезнь неизлечима и ведёт к скорой смерти. Приобретённое слабоумие, так называемая болезнь старости, приводит к невозможности использования знаний и навыков, частичной или полной потере памяти и подвижности, в зависимости от индивидуальных физиологических особенностей человека и скорости прогрессирования болезни. Через какой-то непродолжительный промежуток времени бабушку вернули домой. Она уже не ходила, почти не двигалась, не разговаривала и даже не узнавала никого, кроме Лоры. Но однажды, спустя недели молчания, она вскрикнула, когда к ней на кровать запрыгнула собака Дина. Сказав целую фразу, что-то типа: «Динка, ты куда лезешь, ну-ка брысь отсюда». Вся семья пришла в восторг, появилась надежда на выздоровление, ведь все родственники не переставали верить в это и продолжали выполнять все предписания врача, ухаживая за любимым человеком. Но, к сожалению, вскоре после этого бабушки не стало. Лора с комом в горле вспоминала эти моменты – посещение больницы и смерть любимой бабушки. Было страшно и грустно смотреть, как увядает человек. Невозможно поверить в то, что тот, кто учил тебя делать первые в жизни шаги, говорить, держать в руке ложку, чистить зубы, завязывать шнурки и всегда держал тебя за руку, оказался полностью беспомощным, не понимал, где находится, и нуждался в постоянном внимании, поддержке и уходе. Бабушка часто заменяла Лоре родную мать, которая много работала и подолгу отсутствовала дома. Болезнь и уход её из жизни сильно травмировали маленькую Лору и навсегда оставили в её душе чёрный отпечаток. Лора не делилась своими горькими воспоминаниями ни с кем. Сейчас она передвигалась по территории больницы как в первый раз, совершенно не понимая, где находится.

Тима помнил, что приёмное отделение расположено в начале, почти сразу при въезде. Вокруг него есть несколько хозяйственных помещений, прачечная и заброшенные бараки, в которых на данный момент, насколько он знал, не было ничего, что могло бы их привлечь. Всё же Тима, так сказать для разминки, пригласил Лору заглянуть вовнутрь. Он был настолько увлечён, что не обращал внимание ни на время, ни на происходящее вокруг. Не воспринимая реальность такой, какова она есть, он создавал другую, выдуманную для себя и своей любимой. К его удивлению, вид, который им открылся, отлично подошел для необходимой атмосферы. Поднявшись на небольшое полуразрушенное крыльцо, они заглядывали внутрь сквозь стеклянную, но зарешеченную дверь. Тима сам не ожидал увидеть такое. Помещение походило на то, какие показывают в американских ужастиках, и уж никак не было похожим на те, что он видел раньше. Это был длинный коридор с палатами по одну сторону и глухой стеной без окон с другой. Одноэтажное здание напоминало тюремный блок с несколькими одиночными камерами, ну или отделение для особо буйных психопатов, которых даже под замком держат на привязи и в смирительных рубашках.

– Кстати, – вспомнил Тима, – тут где-то на территории есть отделение для нариков и алкашей, для ветеранов войны и в отдельном здании для зэков, которые проходят обследование на вменяемость по решению суда. К ним мы точно не пойдём. Там и убийцы могут быть, и насильники. Это где-то в многоэтажном здании находится.

– Ух ты, Тима, глянь, точно, как в том фильме, помнишь, о духах пациентов психбольницы. Помещение выглядит заброшенным и пустым, но тогда почему здесь горит свет?

– А хрен его знает, может, потому, что оно не заброшенное? Бу-га-га, – зловеще засмеялся Тима и ущипнул Лору за щиколотку, чем заставил её вздрогнуть.

– Тима, ты больной? Напугал меня, дурачок.

Весь пол коридора был усыпан осколками стекла, опавшей штукатуркой и каким-то строительным хламом. Так выглядят помещения, давно не обслуживаемые, готовящиеся под демонтаж или полный снос.

Воображение играло на полную, рисовало картины происходящего за закрытыми дверями, но этого было мало, ведь хотелось увидеть движение, живых людей, хотя бы издалека.

– Ну ладно, тут неинтересно, пойдём дальше.

Тима взял Лору за руку и приготовился спрыгнуть с ней вниз с крыльца.

– Дальше? Зачем? Страшно.

– Чего? Ло, всё только начинается. И это говорит человек, который заснуть не может без просмотра страшилок. Что тут страшного? Страшное впереди. Нам нужно заглянуть хоть одним глазком в палаты и, хоть сейчас и темно, мы сможем что-нибудь разглядеть. У меня фонарик есть. Как знал.

– Как знал, как знал, – Лора часто передразнивала его, любила подколоть, поиздеваться по-доброму, да и Тима всегда отвечал взаимностью.

– Слышишь, девочка моя, – Тима шлёпнул её по заднице и прижал к себе борцовским захватом левой руки за шею, – ты бы не жужжала, юмористка, а то сейчас сливку сделаю.

– Не надо, Ти, потом нос красный будет, и ты больно делаешь.

Огромная территория больницы была просто лабиринтом среди густо насаженных деревьев, будто находилась прямо посреди леса. Только сейчас Тима задумался о том, что со стороны проезжей части вообще незаметны масштабы территории лечебницы. Помимо психиатрических отделений тут также находился институт неврологии, кардиология, центр для больных эпилепсией с психологической патологией, наркодиспансер, больница для алкозависимых, судебно-психиатрическое отделение, различные диагностические центры, в том числе и Центр психиатрической помощи детям. В общей сложности это было около тридцати корпусов, правда, не все функционировали.

Шагая навстречу темноте, Тима стал вспоминать услышанные им ранее истории о беспредельном поведении врачей, о пытках и принудительном лечении

пациентов. Как-то он даже смотрел видео, сюжет новостей на эту тему, про жалобу соседей на одного из врачей этой больницы. Его обвиняли в сговоре с сотрудниками органов внутренних дел и принудительном лечении некой гражданки. На что врач утверждал, что она находится на добровольном лечении, по собственному желанию до полного выздоровления. Дело было резонансным, но Тима не мог вспомнить, чем всё закончилось. Помнил только, что расследовалось дело черных риелторов, которые продавали квартиры одиноких пенсионеров. Стало немного жутковато, о чём он и поспешил поведать Лоре.

Дорога увлекала всё дальше в глубину территории, казалось, они дошли уже до конца. Но то справа, то слева виднелись одиноко стоящие корпуса и, значит, они еще не пришли.

– Блин, что-то я уже и сам не пойму, откуда здесь столько зданий, и в какую сторону нужно идти.

– Ты серьёзно? Шутишь?

– Да какие шутки? Я вроде знал тут всё хорошо, а теперь вот потерялся.

– Что? Ты нормальный вообще, не шути так. Давай быстро твоих психов поглядим и домой. Ну что тут лазить в темноте. Кому рассказать, не поверят.

– Да, да, малая, сейчас, вроде уже пришли. Вон, видишь то здание в деревьях? Нам туда.

– Нет, где? Темно же, посвети. Ого! Может, ну его, ты знаешь, как обратно?

– Да разберёмся. Не боись. Ты же бегать умеешь?

– В смысле?

– Да шучу я, шучу. Это точно то место, что я искал. Говорят, в нём сын Евтушенко проходил лечение.

– Сын того самого Маньяка? Ничего себе!

– Ну да, он вроде тоже не в себе был.

– А чего был? Он, что, умер что ли?

– Да я не знаю, вроде в Америке он жил до лечения или после. Вроде он из нашего города. Надо почитать про это. Интересно. Может, он и сейчас здесь лечится, кто знает?

Они направились к тому отдалённому зданию, почему-то немного сгорбившись и пригнувшись. Тьма была кромешная, но их глаза уже привыкли и хорошо видели и саму постройку, и подходы к ней. Решили идти по траве, вдоль кустов и между деревьев, предвкушая увидеть что-то необычное, странное, страшное и незабываемое. Одно дело смотреть кино, сидя на мягком диване, в тепле, в добре, а другое дело – быть участником сюжета. Хотя бы частично, хоть немного приблизить свои ощущения к реальным, но, конечно, будучи уверенным в безопасности мероприятия.

Одноэтажное здание было очень старым, обшарпанным и серым, как и почти всё, что находилось на территории больницы. Густой кустарник затруднял подход к нему, но у ребят получилось подобраться к окнам. Освещения снаружи не было, внутри было также абсолютно темно. Подойдя вплотную, Тима всматривался по очереди в каждое из окон, но ничего не мог разглядеть. Ведь помимо толстого слоя пыли, окутывавшего их снаружи, они были зарешечены и заколочены разными по ширине и длине досками. Некоторые из них были зашиты металлическими листами. Ржавые решетки тоже были разными и по цвету, и по форме. Изнутри все окна были закрашены. Но в надежде, что где-то найдётся оставленный по беспечности островок, не покрытый краской, он продолжал поиски. Лора уже не смеялась, это становилось похожим на навязчивую идею.

– Тима, ну его. Хватит, я устала и замёрзла.

– Сейчас, ну не зря же тащились сюда.

У Тимы было одно качество, которое не позволяло ему остановиться. Он не мог бросить начатое им дело. Так уж привык – доводить всё до конца. Он говорил: «То, что нами движет – это результат от проделанной работы. Потрудился,

получил результат. Хороший, плохой – не важно. Результат и есть то, для чего мы живём. Нет результата – нет смысла в том, что делал».

Тима был очень целеустремлённым. Всегда бился до последнего. Трудно сказать, хорошо это или плохо, когда упорство и настойчивость преобладают над здравым смыслом. Но в данной ситуации это привело к большим неприятностям.

Найдя, наконец, маленький, не закрашенный кусочек стекла в углу деревянной с облупленной краской рамы, он посветил туда фонариком. К его глубочайшему сожалению обнаружив, что в этом помещении никого и ничего не было. Оно было абсолютно пустое и безжизненное, как, похоже, и все другие помещения этой постройки.

– Блин, ну как так? Я же точно помню! Именно здесь, в самом дальнем здании от дороги жили, если можно так выразиться, буйные. Я же видел их тут, даже внутри был. Потом расскажу. Ну ладно, в другой раз. Хрен с ними, – Тима обернулся и неожиданно для себя уткнулся в Лору, которая резко прижалась к нему и испуганно прошептала:

– Кто-то идёт! Тихо!

Они попятились назад, уткнувшись в кустарник, и присели, спрятавшись за его густой, почти непроглядной листвой. У Тимы от восторга захватило дух, и сердце забилось, пытаясь выскочить наружу. Он прямо почувствовал толчки и услышал звук, похожий на тот, что раздаётся на мемориале Великой Отечественной войны у памятника Родине Матери, только гораздо более частый.

«Класс, – подумал он, – хоть немного адреналину хватанём…»

Тима расплывался в улыбке, в предвкушении увидеть кого-то необычного – странного доктора или огромного санитара всего в кровище, или услышать что-то, чего не услышишь в других обстоятельствах. Исходя из его желаний, судьба полностью попыталась его удовлетворить, даже с лихвой. Как говорится: «Просили? Получите!» А вот Лора совсем расстроилась, не ожидая никого тут встречать и видеть. Вообще идея такой экскурсии ей сразу не понравилась, но, видя азарт и страсть в глазах своего любимого, она согласилась и поддержала его глупую и безумную затею. Сейчас она поняла, что затея ещё к тому же стала

и опасной.

Отреагировав на голоса, доносившиеся откуда-то из-за угла, как им показалось, они расположились прямо в «первом ряду». Отсюда им хорошо было видно крыльцо дома. Голоса становились громче. И вот появились силуэты нескольких людей. Сначала было неясно, но потом стало отчётливо видно двух мужчин, несущих носилки. В носилках была куча тряпья, одеял, одежды, в общем, хлам, сваленный как попало. Через мгновенье мужчины остановились и просто швырнули груз на землю. Тот, что был крупнее, выругался и достал сигарету из кармана телогрейки.

– Слышь, Урод, есть предложение, давай, пока мы не спустились к Громиле, глянем хорошенько, что у нашей подруги за ценности имеются. А, что скажешь?

– Я – за! С ним потом не договоришься. Один хрен они ему не нужны. Кому он их покажет, тараканам?

– Ага, га-га-га, больше некому. А может, он гостям хвастается или Психу – хрен его знает. А бабки ему зачем? Сидит там у себя в норе, не дымит, не бухает, может, у него мадам есть?

– Ну да. Псих – вот кто его мадам, или наоборот. Может, он – мадам?

– Очень похож. Хотя, петухи разные бывают, бу-га-га.

– А тебе почём знать, а, Урод? Знаком, что ли?

– Да пошел ты. Фильтруй, понял?

– Ну ладно, мужчина, не обижайся.

– Я не обижаюсь, слышь, ты куда клонишь? Ты притомил, Монгол! Где её сумка?

– Давай бабки поделим и что там ещё? А Громиле косметичку подгоним, пусть по ночам красится, крот грёбаный.

Тут Тима перестал улыбаться. Урод склонился над носилками и стал копошиться в груде тряпок, раскидывая их в стороны. Отбрасывая одну за другой, он добрался до сумки, сделал несколько шагов в сторону и вывернул из неё всё на крышку канализационного люка. Пока эти оба копались в чьих-то личных вещах, Тима с Лорой пришли в ужас, увидев, что под тряпками и ветошью лежит тело человека. На носилках лежала Яна. Она находилась без сознания, и можно было подумать, что была мертва. Лицо девушки было закрыто. После того как деньги и ценности были разделены, Урод принялся грязно лапать девушку. Монгол помог стянуть с неё всю одежду, остался один кед на ноге. Урод уже, было, достал свои принадлежности, как был оглушен оплеухой от товарища.

– Что?

– Ничего, думай. Не надо тут. Давай внизу. Открывай калитку. Ключи не посеял?

Урод скривился, отряхнулся и молча направился к крыльцу. Зазвенели ключи, дверь распахнулась, и они занесли носилки внутрь.

Лора вздрогнула, а Тима, среагировав как кобра, резко обнял её левой рукой, а правой плотно закрыл ей рот. После увиденного она заплакала и задрожала. Правда, она, в отличие от других, которые могли бы оказаться на её месте, не сопела, не орала, не задавала глупых вопросов, не бежала с криками «помогите», не донимала Тиму дурацкими вопросами типа: «Зачем они это делают?» или «Давай всех спасём». Она просто рыдала, глотая и сопли, и слюни молча, не издавая ни звука, ни всхлипа. Глаза, залитые слезами, потекли и страшно пекли. Нос молча надувал и сдувал пузыри, уши заложило от поднявшегося давления, тело одолевал озноб, но Лора оставалась в трезвом уме и контролировала каждое своё движение. В голове пролетали тысячи мыслей – о том, что это невозможно, что это не фильм, что такого просто не бывает. Но, к её сожалению, это происходило наяву, не в фильме, а абсолютно реально. Лора боялась пошевелиться и просто ждала реакции от своего парня.

Тима замер. Он крепко обнял любимую и думал, не сводя глаз с дверей. Он тоже был ошеломлён, ошарашен. Никто не ожидал такого увидеть. Он тоже не спешил двигаться, так как хотел убедиться, что никого больше нет поблизости, никто не заметил их, и никто не слышит. Он ощущал чьё-то присутствие. Он развернул к себе Лору и, приставив к губам палец, молча посмотрел в её глаза. Его лицо выражало спокойствие, уверенность и силу, будто он оказался в такой ситуации не в первый раз. Это немного успокоило Лору, но не смогло остановить

её истерики. Слёзы не переставали брызгать, кружилась голова, и перехватило дух. Это было то же ощущение, которое человек испытывает во время полёта, попадая в воздушную яму. Ведь полное отсутствие контроля над ситуацией и неизвестность – основные факторы страха. Сейчас Лора задыхалась от полной беспомощности. Это было неизвестное ей место, время уходило за полночь, ужас от увиденного сковывал её движения и сдавливал грудь. На несколько секунд она отключилась от реальности, провалившись в «воздушную яму», и только спустя мгновение, когда Тима одной рукой, от греха подальше закрыл ей рот, а второй встряхнул её хорошенько, она пришла в себя. Откуда-то издалека она услышала своё имя. Потом ещё, и только на третий раз Лора навела резкость своими красными от попавшей в них туши и опухшими от рыдания глазами.

– Малыш, ты со мной? Очнись!

Лора слабо кивнула.

– Ты здесь? Ты меня слышишь, видишь?

Лора снова кивнула.

– В общем так, сейчас мы потихоньку начнём двигаться в сторону выхода. Не спеша. Не тупи, не вздумай говорить, в полной тишине, нога в ногу, в полуприседе. Главное, отойти отсюда подальше. Там побежим. Пока нельзя. Чёрт, я так и знал. Дофантазировались. Ладно, сейчас не об этом. Главное, не высовываться, и чтобы нас не увидели. Ясно? Кивай, не говори.

Лора кивнула и двумя руками вцепилась в Тиму.

– Девочка моя, не бойся ты так. Мы выйдем сейчас к дороге, и всё кончится, только слушай меня и не спорь. Скажу: «Ложись!» – падай на землю и не дыши.

Как назло, под ногами было много сухой листвы и травы, и каждое, даже минимальное их движение было слышно в абсолютной тишине леса, ну, по крайней мере, им так казалось. Где-то неподалёку звонко хрустнула ветка. Они оба вздрогнули и пригнулись ещё ниже. Обернувшись на звук, ничего не разглядели. Тима боялся пошевелиться и крепко держал обеими руками Лору. Так они провели около пяти минут. Ноги у обоих затекли, но это сейчас меньше всего волновало. Другое дело, что это сковывало и делало нелепыми их шаги.

Потихоньку они стали двигаться в противоположную сторону от крыльца.

Глава 9

Яна сходила под себя. Ей стало жутко стыдно. Она боялась, что вот-вот включится свет и в палату войдут врач или медсестра. И, о боже, какой позор, увидят её в этом состоянии. Заревела снова, но тихо, в себя, даже беззвучно, это была истерика, но какая-то внутренняя.

Сколько прошло времени с того момента, как она сюда попала, было непонятно. Смятение и ужас накрыли её с головой. Тело становилось совсем слабым, но разум ещё был активен. Догадки о том, где она и что с ней собираются делать, играли против неё. Яна стала накручивать себя, представляя, что она умерла. И что это морг. Воображение работало на максимуме. На какое-то время ей показалось, что она стала видеть себя со стороны, потом сверху.

Помещение, в котором она находилась, было небольшим, похожим на палату в больнице. Но нет, это не могла быть палата. Таких палат не бывает. Это больше походило на заброшенный разделочный цех. Стены были покрыты толстым слоем налёта и пыли. Углы укутаны бесконечными узорами паутины. Десятки мух, попавшихся в ловушку, беспомощно барахтались, обречённые, так же, как и те несчастные люди, которые оказывались в этих стенах. В помещении было три стола или койки. Ко всем были прикреплены тела. Как и Яна, два других человека были жёстко пристёгнуты ремнями таким образом, что тела находились под небольшим наклоном. Полностью обнажены и неподвижны. Второй девушке повезло меньше, помимо травм головы и рассечений у неё были сломаны рука и лодыжка. Многочисленные ссадины и гематомы по всему телу и особенно в области промежности свидетельствовали о насилии, которому она подвергалась. Тёмная лужа под каждым из столов, густая, мутная, слизистая, напоминающая кисель на вид, была ничем иным как смесью испражнений, крови и рвотных масс. Помещение было подвальным, с плохой влагоизоляцией, поэтому здесь всегда было сыро и холодно. Несмотря на это, воздух был липкий и, казалось, жирный, будто пропитанный всей этой грязью. Он ложился на кожу и покрывал её толстым слоем, забивал поры и не давал дышать. Проникал вовнутрь и окутывал лёгкие и бронхи, затрудняя дыхание, обволакивал сердце, замедляя его биение. Нижнюю часть стен покрывала плесень, а верхнюю –

черный грибок. Он, как тёмная сила, обнимал комнату и, объединяясь с клубами паутины, устрашающе свисал с потолка. Здесь не было окон и вентиляции, кроме маленького отверстия под потолком, закрытого сеткой, которое, скорее всего, давно не пропускало воздух. Отопление здесь тоже не было подведено. В общем, место идеально подходило для гниения чего-либо и разведения всевозможных бактерий и микроорганизмов. Правда, пол был покрыт плиткой, а в углу, похоже, был небольшой уклон и решетка для стока воды.

Сознание окончательно вернулось к Яне. Теперь она начала соображать ясно, насколько это было возможным в такой ситуации и после таких травм головы. Паника отступила на второй план.

– Где я? Вот что нужно понять, прежде всего.

Яна стала всматриваться в темноту, но ничего не видела напротив себя. Она чувствовала, что находится в помещении не одна:

– Боже, это ещё одна девушка. Она мертва? Не дышит, я бы услышала. Не шевелится. Мертва. Точно мертва. Может, даже не одна. Возможно, тут ещё несколько человек. Или тел. Значит, это морг. Но почему мы привязаны? Я живая. Я не собираюсь умирать. Ещё не время, я же молодая. Я замуж хочу.

Яна вспомнила мужчину своих грёз и ненадолго погрузилась в воспоминания.

Звуки, доносящиеся из-за двери, заставили её прислушаться. Были слышны шаги, какая-то суета, где-то в коридоре далеко от неё кто-то был. «Закричать? Позвать на помощь? Вдруг это шанс, единственный, вдруг его больше не будет? Что, если он уйдёт, и я останусь здесь умирать от голода? А если крысы? Если тут есть крысы?!»

Яна до смерти боялась крыс. Дважды в её детстве крысы забегали к ней домой. Это было ужасно. Однажды огромное мерзкое существо размером с кошку вбежало через оставленную кем-то из родителей открытую дверь и спряталось за холодильником. Яна помнила этот ужас, когда отец с соседом искали её повсюду, а потом гонялись по квартире с палками, пока не забили до смерти. Кишки вылезли наружу, а батя всё не мог остановиться и продолжал бить её палкой. После этого следы внутренностей долго не могли смыть, они так сильно въелись в пол, как чернила. Второй раз это случилось в туалете. Яна увидела

какое-то движение, а когда присмотрелась, обнаружила позади себя длинный омерзительный хвост. Крыса пробралась туда через дырку в стене, которую не успели заложить после ремонта труб. Это было жутко. С визгом ребёнок вылетел в коридор, до смерти напугав родителей. Народное суеверие гласит, что крыса, забежавшая в дом, это предвестник большой беды или смерти. Оба случая закончились смертью близких родственников.

«Сейчас я позову на помощь, и меня спасут. Приедет мама, полиция, меня отвезут в больницу. Нет, никаких больниц. Я поеду домой. Или нет, нельзя шуметь. Я не знаю, где я и почему. Нужно сначала всё обдумать. Попытаться освободиться. Похоже, меня связали не случайно. Это не больница. Это или морг, или какая-то фигня. Надеюсь, это не маньяк меня сюда притащил. Стоп, я была с парнем. Радослав. Я была с Радославом!»

Яна пыталась вспомнить последовательность происходящего, но голова сильно кружилась, мысли вращались как карусель, путались. Было трудно сосредоточиться. Имя Радослав вертелось впереди других, на первом плане. Картинка с кофе из Макдоналдса, затем парк, комната в общаге, такси, Радослав открывает перед ней дверь. И дальше пробел, провал. Нахлынули воспоминания из детства: отец держит её за руку и ведет к пруду, высокая трава щекочет содранные, но уже зажившие коленки, яркое солнце заставляет щуриться, уже слышна перекличка лягушек, и запах, потрясающий запах воды и полевых цветов. Яна загребает ладошкой траву и режет безымянный палец. Резкая боль, шок, всхлип, и, казалось бы, день испорчен, но отец подхватывает дочку на руки и сажает на плечи. Инцидент исчерпан, боль и слёзы забыты, и Яна снова счастлива. Расставив по сторонам ручонки, она летит навстречу ветру и свету, закрыв глазки и дыша полной грудью.

Яна заснула.

* * *

Это был, так называемый, «приёмник – карантин». Жертвы находились здесь неопределённое время. Их привозили сюда по надобности, так сказать, по мере поступления запроса, и оставляли на адаптацию. Если человек был физически крепкий и выдерживал «карантин», его переводили в «стационар». Если же нет, Мамонт мог поступить с телом по-разному. В зависимости от настроения, он или сразу после определения статуса «всё» разделывал его на мелкие части, либо

мог оставить тело разлагаться, что существенно снижало шансы других гостей его гостеприимного санатория выжить. По требованию начальства, «гостей» старались поддерживать в состоянии «дышит». Одной из особенностей Мамонта была его любовь к человеческому мясу. Свежину он готовил себе и употреблял время от времени, в основном, в супе. Также Мамонт панически, патологически боялся дневного света, поэтому никогда не выходил на поверхность. Жизнь под землёй научила его лучше видеть в темноте. За долгие годы пребывания в подвале, после того как его туда определил доктор, он выучил там каждый уголок и в полнейшей темноте прекрасно ориентировался. Нет, свет в подвале был, но не везде и включался не всегда. Было одно место, куда Мамонту не позволялось входить. Это кабинет врача. Врач появлялся всегда неожиданно. Большую часть времени его не было слышно, когда он запирался у себя.

Глава 10

Маленький Валера вырос в семье врача-хирурга и домохозяйки. Отец был к сыну очень строг и часто несправедлив. В связи с работой в областной больнице неотложной помощи, Кирилл Леонидович Недорезов бывал дома редко. Дежурства сменяли неотложные вызовы, бесконечные планёрки и совещания. Помимо этого, он также практиковал в частной ветеринарной клинике, где проводил сложные операции, с которыми не в силах были справиться молодые врачи. Это было не часто, но такая работа доставляла ему удовольствие. Именно с животных он начинал свою практику, будучи студентом университета. На даче, в их пригородном доме, который достался им от деда, в подвале была оборудована операционная. Также там было ещё несколько помещений для хранения медпрепаратов и материалов, помещение для содержания животных после операций или постоянного контроля – такой себе стационар.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/shashkin_aleksandr/posledniy-seans

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити